

В. С. Глаголев²

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Различия национально-государственных интересов, культурно-исторических оснований цивилизаций, существующих на Земле, процессов самоидентификации этносов, наций и народов исключают однозначное истолкование содержания, тенденций и последствий глобализации в мировой политике. Здесь доминирует плюрализм по ряду оснований. Наличие спектра мнений неизбежно по любому вопросу, генерируемому глобализационными механизмами и структурами международной жизни. Несомненно, однако, возрастание динамичности геополитических глобальных и региональных тенденций, усиление в них роли информационно-манипулятивного компонента; массовидный характер внешних проявлений глубинных сдвигов в политической жизни, опирающийся на стереотипы религиозно-национальной идентификации, сложный баланс интеграционных тенденций в технологических, финансовых, экономико-производственных структурах с одновременным расширением поля проявлений различных вариантов диверсификации. То есть интеграция и диверсификация идут зачастую параллельно.

Среди геополитических аспектов межкультурной коммуникации XX–XXI вв. на первый план выступили процессы, связанные с радикальным изменением влияния в современном мире межгосударственных и транснациональных союзов и объ-

единений. Распространение ядерного оружия, борьба с международным терроризмом, проблемы изменения климата и другие глобальные проблемы современности потребовали оптимизации подходов к их решению. Определилась и новая роль США в узловых регионах и зонах международной политики, среди которых особое значение имеет Азиатско-Тихоокеанский, Ближневосточный регионы и «горячие точки». К тому же США сохранили взятые на себя после 1945 г. обязательства перед Японией и интересы в южной части американского континента.

Распад СССР, Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) устранил с арены мировой политики альтернативного военно-политического, идеологического, экономического и научно-технического контрагента и партнера. Таким образом, сегодня США — единственная сверхдержава, по отношению к которой претенденты на сходные возможности влияния в мировой политике находят в роли «догоняющих».

В результате резко возросли позиции американского английского языка как средства межкультурного общения во всех регионах мира. Логика научно-технической и информационной революций выдвинула на первый план его упрощенную лексику и грамматику, которые обеспечивают взаимодействие специалистов узкого профиля.

Параллельно примитивные стереотипы американизированной массовой культуры приобрели самодовлеющее значение в молодежной среде модернизирующихся стран. В результате массовый читатель, зритель и пользователь получает превратное представление о действительных достижениях теоретической и художественной культуры американского народа. Акцентирую, что принижение здесь

² Профессор кафедры философии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, доктор философских наук, член Российского философского общества и Российского социологического общества.

реального вклада США в мировую культуру является своего рода близорукостью, которая соответственно оборачивается отрицательными последствиями стратификации самого американского общества, когда широкие слои представителей низшего класса, стремительно пополняемого потоками эмигрантов, оказываются дистанцированными от действительных носителей американской культуры. Своевременное осознание данной проблемы способно предотвратить неверные расчеты, касающиеся перспектив США и международной деятельности их соперников.

Ускорение движения США на международной арене связано с трансформацией их внутренних экономик, форм международного сотрудничества и конкуренции. Зачастую у нас на уровне идеологических представлений доминирует идея, что они взорвутся по финансовым или по каким-то другим, в том числе кадровым, причинам. Перспективным для соперников США может стать путь максимального использования достижений фундаментальных и прикладных наук, технологий, организационных моделей, национальных и транснациональных систем образования, оптимизации культурной жизни, позволяющих обеспечивать странам этой группы более устойчивые позиции по отношению к США и друг к другу.

В технически развитых странах периодически появляются и реализуются проекты «двойного назначения»: в ядерно-энергетической, космической сферах, строительстве новых типов подводных аппаратов, технологических заявках на проекты освоения глубинного дна Мирового океана, развертывании нанотехнологий, в системах обеспечения устойчивой радиосвязи и преодолении средств ее защиты и в других областях. Это, видимо, позволяет ускорить «догонку» Соединенных Штатов Америки как технологически лидирующей державы.

Вокруг каждого из названных событий системы массовой информации государств-конкурентов осуществляют «игры на повышение» и «понижение» соответствующих событий с целью придания им стратегического значения или девальвации действительных достижений. Подобные кампании имеют также целью спровоцировать научные, технические и организационные элиты на предоставление дополнительной информации, чтобы адекватно оценить действительные масштабы сенсационных сообщений и, возможно, перехватить ключевые элементы «ноу-хау» с соперничающими структурами, обеспечивающими государственные интересы, позиции военно-политических блоков и транснациональных корпораций.

Межкультурная коммуникация приобрела и функции амбивалентного фактора. С одной стороны, она делает динамичным развитие всех участников этого процесса, с другой — способствует

«утечке мозгов», капиталов, научных и технологических наработок в те страны и регионы, которые в состоянии быстро извлекать из них оптимальные преимущества, создавая благоприятные организационные условия. Государства, располагающие механизмами удержания национальных кадров в рамках своих границ, в этом смысле выстраивают «мембраны» динамики научно-технической информации. Однако расширение сферы действия международных договоренностей о движении людей, информации, воссоединении семей, праве на получение образования на основе свободного выбора, на свободу международных научных и культурных контактов, развитие туризма и прочее ослабляет эффективность подобных «мембран». Всякое же ужесточение национальной политики в этих вопросах становится предметом пристального внимания правозащитных организаций, провоцирует международный резонанс.

Современные коммуникационно-технические и виртуально-имитационные возможности спецслужб, массмедиа, политических партий, движений и организаций сочетают обеспечение функций дезинформации и «полуправды» в формировании массовидных акторов геополитических процессов с достижением реальных изменений в балансе ранее сложившихся сил. Об этом свидетельствуют (наряду с пропагандистскими усилиями, подготовившими в своем секторе распад советского блока) «оранжевые революции», распад Югославии и напряженность отношений между ее бывшими республиками сегодня. Сказалась и роль националистических и шовинистических стереотипов в активизации массового сознания при подготовке крупномасштабных политических действий. Внимание к деятельности национал-шовинистического сектора — существенная сторона межкультурной коммуникации во внешней политике.

Поэтому совершенствование информационно-аналитической работы предполагает расширение кругозора, пополнение общего и профессионального образования специалистов-международников. Условия работы в ситуации динамично развивающегося глобального мира требуют превращения образования в непрерывное. Лишь реализуя эту задачу, можно обеспечить должный уровень организации межкультурного общения как предпосылки толерантного восприятия актуальных геополитических проблем глазами «сторонников» определенной позиции, «нейтралов», «противников», а также акторов, намеренно резервирующих конфигурацию своей политики («выжидающих»). Именно взаимодействие всех акторов и перечисленных компонентов определяет подвижность рамок толерантности в сфере геополитики и направление их трансформаций в различных системах межкультурной коммуникации.

* * *

О. Т. ШЕВЧЕНКО¹: — Как, на Ваш взгляд, соотносятся понятия толерантности и равнодушия?

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Равнодушие — это спящее сознание. А толерантность — сознание актуализи-

рованное, знающее, по крайней мере в тех пределах, которые дано знать творческому человеку, структуру проблемы, ее подводные камни, опасные границы и рискованные возможности. Толерантность — это бесстрашие дипломата, за которым скрывается колоссальный информационный массив, огромный объем домашних заготовок, в том

¹ Профессор кафедры международного права Киевского международного университета (Украина), кандидат юридических наук.

числе и согласованных с руководством собственной страны и блоков, в которые она входит, а также с реальными возможностями информационных субъектов. Таково понятие толерантности в международной политике.

О. Т. ШЕВЧЕНКО: — Вы, по-моему, говорите о толерантности и равнодушии с точки зрения некоего объективного или внешнего аналитического взгляда на эти состояния качества. Я хотела бы еще раз проанализировать субъективные стороны данной проблематики. Не кажется ли Вам, что толерантность и равнодушие имеют в основе своей глубокое безразличие к принципиальной правоте другого, по отношению к которому человек определяется?

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Во-первых, дипломатия касается не самоопределяющегося человека, а как минимум страны, союза стран, каких-то группировок внутри страны, которых дают знаки или поддержку извне либо, наоборот, «осаживают» их активность. То есть позиция дипломата всегда не субъективная, это сигнал персонифицированного субъекта, касающийся большого количества структур. Равнодушие, по Бруно Ясенскому, заключается в следующем: «Не бойтесь врагов, враги в лучшем случае могут убить вас. Не бойтесь друзей, друзья в лучшем случае могут предать вас. Не бойтесь ни друзей, ни врагов — бойтесь равнодушных. Они не убивают и не продают, но только с их молчаливого согласия на Земле существуют убийства и предательства». Сегодня часто проявляется позиция равнодушия международного сообщества и официальной России к сербским проблемам, что болезненно воспринимают сербы. Это обязательно скажется на качестве сербского союза и России. Равнодушие — особая категория, проявляющаяся во внешних актах соответствующего государства, политической системы. А толерантность — это внутренняя мобилизованность при определенной готовности выдерживать паузу, выдерживать время, казалось бы, пропускать выгодные удары, потому что толерантность всегда провоцируется. То есть это особое поле игры, на котором должен доминировать глубоко просчитанный здравый смысл и ресурсы государства.

Р. А. РОМАШОВ: — Вопрос по поводу образования. Не кажется ли Вам, что нас учили лучше, чем мы сейчас учим? Я имею в виду эти новшества в системе школьного образования — ЕГЭ, тесты, магистры, бакалавры.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Могу сказать так: я написал несколько работ, касающихся ограниченностей Болонского процесса, которые напечатаны в России и за рубежом. Болонский процесс — подготовка специалистов стандартно-технологического уров-

ня. Там, где речь идет о подготовке творческих специалистов, а они соль нации, и там, где речь идет о специалистах, включающихся в глобализационные процессы современного мира, там никакие стандартизированные рамки не работают. За исключением, пожалуй, одного: набор некоторых базовых понятий, например английский язык, надо знать достаточно, чтобы свободно общаться со специалистами своего профиля. Сегодня это непрелюдное условие компетентности. Но если специалисты «штучные», то есть специалисты уровня Копенгагенской физической школы, вы должны знать нюансы не только специальности, но и сленга своей среды. Вторая особенность: я думаю, мы учились лучше. Существовал культ знания. И это определяет личностные установки. А что касается возможности обучения, то рациональное использование мирового информационного опыта и через Интернет, и через открытость границ, безусловно, может быть эффективно. Соответственно, снятие этих искусственных, болезненных идеологических барьеров, на корню губивших информацию, бесценно, не говоря уже о том, что если работать с потоком информационной литературы с определенной волей, последовательностью, то учиться сегодняшние студенты могут бесконечно, причем более глубоко, чем могли учиться мы в силу «сухого» академического пайка. Не хватает воли, не хватает сознания самоценности образования, потому что образование очень быстро стало конвертироваться в формулу «здесь и сейчас». Я бы ответил так: дальновидность нашей государственной политики в области фундаментального образования равна, с моей точки зрения, нулю, в том числе и по обеспечению привлекательности профессии преподавателя и денежному содержанию профессуры.

Л. А. НУДНЕНКО: — Уточните, пожалуйста, Ваше понимание слов «шовинизм», «национализм», «национальный патриотизм», «патриот Отечества» и взаимосвязи между понятиями.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Шовинист — человек, который считает, что его позиция является единственно возможной в соответствующих условиях. Националист — это человек, который убежден, что его национальная группа обязательно нуждается в расширении ныне существующих позиций. А патриот своей страны — то же самое, что дипломатико-толерантный человек, который знает и плюсы, и минусы своей страны. Не использовать в политике неконтролируемые резервы шовинистической идеологии и националистической идеологии невозможно, но надо все время составлять ту смесь элементов шовинизма и национализма, при которой бы это все не «рвануло» при переходе точки критической массы.